

ОКАССЕН
И
НИКОЛЕТ

**ЛИТЕРАТУРА
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

*Под общей
редакцией
Р. Шор*

A c a d e m i a

ОБАССЕН И НИКОЛЕТ

Старофранцузская
песня-сказка

*Перевод М. Ливеровской
Под редакцией А. А. Смирнова
Вводная статья и примечания
А. А. Смирнова*

Academia
1935

Гравюры А. И. Кравченко

ОБАССЕН И НИКОЛЕТ

Старофранцузская песня-сказка

Французский роман эпохи зрелого феодализма (XII—XIII вв.) отражает идеологию рыцарства поры его высшего развития, когда оно стремится утвердить свою не только политическую, но и культурную гегемонию над остальными классами общества, и в первую очередь — над городским мещанством, начинающим в это время крепнуть и развиваться. Назначение этих куртуазных романов — показать рыцарство во всем его блеске, иллюстрируя эстетически при-

влекательными образами способность рыцарей тонченно и благородно мыслить и чувствовать, отличающую их от серой массы плебеев-„вилланов“ (термин, охватывающий всех простолюдинов — как горожан, так и крестьян)*.

Это относится в одинаковой мере как к „артуровским“ (или „бретоиским“) романам, так и к той группе романов, которые, по предполагаемым их сюжетным источникам, принято называть „византийско-восточными“.

В этих последних, как и в артуровских романах, можно различить две линии — *аристократическую* и *демократическую*. Произведения аристократической группы рассчитаны на избранных читателей, способных оцепить психологические тонкости, изящную морализацию, сложную метафизику любви. Для широкой аудитории, состоящей не только из мелкого рыцарства, но и разночинцев, горожан, также пленяющихся красивыми рыцарскими вымыслами и легко поддающихся идеологической пропаганде, требуется нечто попроще: произведения небольшого объема, более реалистические по тону, с преобладанием в них авантюристичности и внешних ярких эффектов над тонким психологизмом; таков „демократический“ тип рыцарского романа.

* Подробнее о социальном содержании и генезисе рыцарского романа см. в предисловии к „Мулу без узды“, в этой же серии,

Но такая демократизация рыцарского жанра и чрезмерное приближение его к плебейской среде чреваты опасностями. В него легко могут просочиться тенденции противоположного характера, и идеологическое оружие может быть вырвано из рук класса-гегемона, чтобы быть обращенным против него. Нечто подобное наблюдаем мы в очаровательной маленькой повести начала XIII века „Окассен и Николет“, которая должна рассматриваться не как прямое развитие рыцарского романа, а скорее как очень своеобразное преломление его.

Произведение это принадлежит к группе романов, весьма удачно названных одной исследовательницей * „идиллическими“. Во всех этих романах повторяется одна и та же сюжетная схема: два юных существа, в детстве воспитанные вместе, с самых юных лет охвачены непреодолимой взаимной любовью; их браку, однако, препятствует разница социального положения, а иногда также религии (он — язычник, она — христианка, или наоборот: он — царский сын, она — бедная пленница, или он — простой рыцарь, а она — дочь императора и т. п.); родители их разлучают, однако любящие упорно ищут друг друга и в конце концов, после ряда приключений и превратностей, счастливо соединяются.

* M. Lot-Borodine, „Le roman idyllique au moyen âge“, Paris, 1913. Здесь можно найти наиболее полную, чрезвычайно тонкую характеристику „Окассена и Николет“.

Во всем этом нетрудно узнать сюжетику позднегреческого „романа превратностей“: разлучения, похищения, странствия, морские разбойники, узнавания и т. п. С другой стороны, в некоторых из этих романов проступают мотивы восточных повестей (в частности, имя Окассен — арабского происхождения: Aucassin=Al-Kâsim). Хотя точных и покрывающих всю фабулу параллелей и не было найдено, можно предположить здесь скрещение некоторых византийских и восточных источников, слившихся с местными, чисто французскими представлениями и мотивами.

Классический и вместе с тем самый ранний (конца XII века) образец этого жанра, повлиявший на все другие романы группы, — „Флуар и Бланшефлер“, дошедший до нас в двух редакциях. Одна из них, несомненно первоначальная и правильно обозначаемая западными критиками как „аристократическая“, полна утонченного и вместе с тем весьма реалистического психологизма, которому деликом подчинена фабула. Это — искусство, примерно, того же уровня, что и артуровские романы Кретьена из Труа. Другая редакция, которую критики называют „народной“, является планомерной переработкой первой в смысле ее „упрощения“ и усиления внешней, авантюрной занимательности: биографии героев предпослано длинное описание боев между христианами и „язычниками“, в результате которых родители Бланшефлер становятся пленниками: вся история совместного воспитания и

детской любви героев выпущена; вместо трогательного монолога Флуара на гробнице мнимо-умершей Бланшефлер рассказывается, что Флуар, раздевшись донага, бросился в ров со львами, чтобы они его пожрали; красивый финал, в котором вавилонский султан, тронутый молодостью и силой чувства любящих, пойманных в его гареме, прощает их и отпускает на свободу, заменен таким эпизодом: Флуар спасает Вавилон от осадивших его врагов и этим подвигом заслуживает милость султана.

Если остальные романы этой группы, кроме „Окассена и Николет“, не представляют собою ничего любопытного, будучи лишь вариациями аристократической редакции „Флуар и Бланшефлер“, то „Окассен“ выделяется своей глубокой оригинальностью. Поражает уже самая форма этой повести с необычным ритмом стихов и небывалым чередованием их с прозой (подробнее об этом см. в примечаниях к первой главе текста), говорящими за возникновение ее в иной социальной среде, нежели рыцарская.

Целый ряд признаков — то, что „Окассен“ дошел до нас только в одной рукописи, отсутствие посвящения, а также и прямых намеков на повесть во всей литературе эпохи — показывает, что это произведение предназначалось не для чтения в тесном рыцарском кругу, а для публичной декламации и считалось литературой „низшего сорта“. И потому не случайно мы находим здесь резкие отклонения от рыцарской идеологии, даже прямо антагонистические потки.

Прославление любви, казалось бы,— тема чисто кургузая. Однако рядом же мы встречаем дерзкий вызов священнейшим устоям феодально-рыцарского мировоззрения. Влюбленному рыцарю полагается совершать подвиги: Окассен не только не делает этого, но даже отказывается выполнить первую обязанность феодала — защищать собственные владения! (глава 2). Более того, когда ему удастся захватить в плен врага, он отпускает его без выкупа, назло жестокому отцу, взяв с пленника клятву, что тот будет всегда стараться вредить графу Гарену (глава 10): какое издевательство над всеми феодальными принципами! И дальше еще мы находим презабавную пародию на феодальные войны (главы 30—31). А параллельно — дерзкий выпад по адресу союзника рыцарства, церкви (гл. 7, где высмеивается католическое учение о рае и аде).

Строго говоря, рыцарей в нашей повести нет: сам Окассен лишь формально принадлежит к ним, другие же представители рыцарского класса играют в рассказе роль статистов. Зато в нем есть другие, очень живые и выразительные фигуры: простолюдины, пастухи-крестьяне, изображенные с поразительным для того времени реализмом и совершенно уже беспримерным сочувствием (главы 14—15, 18—22 и особенно 24)*. И в заключение — близкий автору

* О генетике и своеобразном использовании этих образов см. в примечаниях.

(„автобиографический“) образ милого жонглера, каким перерягается героиня повести, смелая и умная Николет (главы 40—42).

Все эти элементы не вклинились насильственно в основную куртуазную тему повести: они слились с ней органически благодаря замечательному искусству автора. Повесть сложилась в самом начале XIII века в Пикардии, в области Арраса, который, как мы знаем, был одним из главных центров расцвета в XIII веке городской мещанской поэзии (Жан Бодель, Адам де-ла-Галь, знаменитые аррасские риуэ — ассамблеи горожан-поэтов). Своему происхождению в творчески-молодой и социально-передовой среде, наряду со своей вполне оригинальной продукцией усердно осваивавшей также жанры и технику литературы рыцарской, повесть обязана той изумительной свежестью, которая ее проникает, соединением наивности и лукавства, глубокой нежностью и легкой иронией в изображении обоих героев — бесконечно милых, трогательных, но чуть-чуть смешных в своем любовном ослеплении и немного беспомощных детей. Беспомощен, впрочем, лишь один Окассен: вся инициативность выпадает на долю его подружки, — черта зародышевого „феминизма“, наблюдающегося уже в куртуазной рыцарской поэзии, но сильнее, понятно, выступающего в литературе городского мещанства.

Было замечено, что к концу повести творческое напряжение автора ослабевает и изложение, исключая самые последние главы, ста-

новится немного небрежным и скомканным. Это все же не мешает нам признать автора выдающимся, можно смело сказать — гениальным поэтом, пролагавшим свой новый, оригинальный путь.

Это своеобразие и большие художественные достоинства „песни-сказки“ (chante-fable) были по заслугам оценены в позднейшие века. Начиная с конца XIII века она вызвала огромное количество пересказов и подражаний как в повествовательной, так и в драматической форме*. Подлинный текст много раз переводился на новые языки: на французский (4 раза), немецкий (5 раз), английский (6 раз), даже шведский и датский**. Вполне естественно также, что она продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей.

А. А. Смирнов

* Полный перечень их приведен в предисловии Н. Suchier к его критическому изданию текста. Отметим трехактную комедию Седена с музыкой Гретри, „Aucassin et Nicolette, ou les Moeurs du bon vieux temps“, исполненную в Версальском театре в 1779 году и изданную в 1783 году; немецкую оперу барона И. Н. фон-Пойсля, поставленную на сцене мюнхенского театра в 1813 году; пятиактную комедию графа Платена (1825 г.) и т. д.

** Полный список см. у Н. Suchier. Отметим как лучшие из переводов: французский — G. Mi-

Издания текста

К р и т и ч е с к о е и з д а н и е т е к с т а :

Aucassin et Nicolette, neu herausgegeben von Hermann Suchier. Paderborn, 1878 (несколько раз затем переиздавалось).

И з д а н и е - ф а к с и м и л е :

Cest daucası et de nicolete. Reproduced in Photo-facsimile and type — transliteration from the unique Ms. in the Bibliothèque Nationale at Paris. By the care of F. W. Bourdillon. Oxford, MDCCCXCVI.

chaut (1905), немецкий — W. Hertz'a („Spielmannsbuch“, 1865, с ценными примечаниями), и английские — известного фольклориста A. Lang'a (1887) и F. W. Bourdillon'a (1887). Печатаемый нами русский перевод М. Ливеровской появился впервые в журнале „Русская мысль“ (1914, № 3). После сличения с подлинником мы внесли в него некоторые исправления.

ОБАССЕН и НИКОЛЕТ

1

Кто услышать хочет стих
Про влюбленных молодых,
Повесть радостей и бед:
Окассен и Николет,—
Как жестоко он страдал,
Храбро подвиги свершал
Для любимых ясных глаз?
Чуден будет мой рассказ,
Прост и сладостен напев.
И кого терзает гнев,

Злой недуг кого томит,—
Эта песня исцелит.
Радость будет велика,
И рассеется тоска
От песни той.

2

Говорят, рассказывают и повествуют:

Что граф Бугар Валенский вел с графом Гареном Бокерским войну, великую, жестокую и кровопролитную, и не проходило дня, чтобы он не стоял у ворот, укреплений и стен города с сотней рыцарей и десятком тысяч воинов, конных и пеших. При этом он сжигал страну графа Гарена, опустошал его землю и убивал его людей.

Граф Гарен Бокерский был стар и слаб — прошло его время. И не было у него других наследников, ни сыновей, ни дочерей, кроме одного только мальчика. Я вам опишу, каков он был.

Окассен.— звали графского сына. Он был красивый юноша, высокий ростом; стройны были его ноги, руки и тело. Волосы у него были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, лицо приветливое и правильное, нос прямой и тонкий. И столько в нем было добрых качеств, что не было ни одного дурного, все только одни хорошие.

Но был он охвачен любовью, которая все побеждает, не желал рыцарствовать, ходить вооруженным на турниры, не хотел делать того, что ему подобало. Отец и мать говорили ему:

— Сын, бери оружие, садись на коня, защищай свою землю и помогай своим подданным. Когда они тебя увидят рядом, они будут лучше защищать свою жизнь и имущество и нашу землю.

— Отец,— отвечал Окассен,— что вы там говорите? Пусть бог не даст мне того, о чем я прошу его, если я стану рыцарем, сяду на коня, пойду в сражение и в битву, чтобы там

разить врагов и отражать удары, а вы мне не дадите **Николет**, мою нежную подругу, которую я так люблю.

— Сын мой,— ствечал отец,— оставь и думать о **Николет**. Она ведь пленница, привезенная из чужой страны; там ее купил виконт нашего города у сарацин и привез ее сюда. Здесь он ее вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу. Теперь он даст ей в мужья какого-нибудь молодого человека, который честно будет зарабатывать для нее хлеб. Тут тебе нечего делать, а если ты желаешь жениться, то я дам тебе в жены дочь короля или графа. Нет такого важного человека во **Франции**, который бы не отдал за тебя свою дочь, если бы ты захотел ее иметь.

— Увы, отец! Где на земле такая высокая честь, которой бы не стоила **Николет**, моя нежная подруга? Если бы даже она была императрицей **Константинополя** или **Германии**, королевой **Франции** или **Англии**, всего этого было бы для нее мало — так хороша она и благородна, и приветлива и полна достоинства.

3

Здесь поется:

Окассена знатный род
В замке де-Бокер живет.
Без прекрасной Николет
Для него ничтожен свет.
Но отец неумолим,
Мать во всем согласна с ним.
„Николет, мой милый сын,
Куплена у сараџин,

Где она была в плену.
Ты же должен взять жену
Рода знатного, как ты.
Брось безумные мечты“.
„Мать, я не согласен, нет!
Кто прекрасней Николет?
Ясный взор и стройный вид
Сердце светом мне живит.
Мне любовь ея нужна,
 Что так нежна“.

4

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда граф Гареп Бокерский увидал, что не удастся ему отвлечь Окассепа от любви к Николет, он отправился в город к виконту, который был его вассалом, и сказал ему так:

— Господин виконт, удалите вы отсюда Николет, вашу крестницу. Пусть будет проклята земля, откуда вы ее привезли в нашу страну.

Ведь из-за нее я теряю Окассена; он не хочет рыцарствовать, не хочет исполнять своего долга. Так знайте, что если бы она была в моих руках, я бы ее сжег в огне, да и вы сами тоже должны меня остерегаться.

— Господин мой,— ответил викопт,— мне и самому очень не нравится, что он к ней ходит и разговаривает с нею. Я ведь ее купил на свои деньги, вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу; теперь я дам ей в мужья какого-нибудь молодого человека, который будет для нее честно зарабатывать хлеб. Тут вашему сыну Окассену нечего делать. Но если такова ваша воля и ваше желание, то я ее отошлю в такую страну, где он ее никогда и в глаза не увидит.

— Так берегитесь! — сказал граф Гарен.— А то вам плохо придется.

Они расстались.

А викопт этот был очень важный человек, и был у него пышный дворец, а позади дворца — сад.

И приказал он посадить Николет в комнату наверху, а с нею вместе старушку для общества и компании и велел дать им хлеба, мяса, вина и все для них необходимое.

Потом приказал запечатать все двери, чтобы ниоткуда не было к ним ни входа, ни выхода. Оставалось у них снаружи только одно маленькое окошечко, откуда проникало к ним немного свежего воздуха.

5

Здесь поется

В тесной комнате одна
Николет заключена.
Свод искусно в ней сложен,
И хитро расписан он.
Вот на мрамор у окна
Опершись, стоит она.
Волны светлые кудрей,
Дуги стройные бровей,

И в лице сияет свет —
Нет прекрасней Николет!
Вот она взглянула в сад:
Птички весело кричат,
Роза пышно расцвела.
И сиротка начала:
„Горе мне, зачем должна
Я в тюрьме сидеть одна?
Окассен, мой господин,
Вы милы мне; вы один
Были ласковы всегда.
Я заключена сюда
Ради вас, под этот свод.
Здесь так грустно жизнь идет.
О святая божья мать,
Я не стану здесь страдать,
Я убегу!“

6

Говорят, рассказывают и повествуют:

Николет была в заточенье, как вы уже слышали, в комнате. И пошел по всей земле и по всей стране слух, что она исчезла. Одни думали, что она бежала в чужие страны, а другие полагали, что граф Гарен велел ее убить.

Если кого-нибудь эта весть и обрадовала, то Окассену совсем не было весело.

Он отправился к виконту в город и спросил его:

— Господин виконт, что вы сделали с Нико́лет, моей нежной подругой, с той, кого я любил больше всего на свете? Вы отняли ее от меня, украли! Так знайте же, что, если я умру с горя, вам будут за меня мстить и это будет только справедливо. Ведь вы меня убили собственными руками, отняв от меня ту, которую я любил больше всего па этом свете.

— Господин мой,— ответил виконт,— оставьте вы это. Николет — пленница, которую я привез из чужой земли, купив ее на собственные деньги у сарацин. Я ее вырастил, окрестил и воспитал, как свою крестницу; я ее кормил, а теперь найду ей в мужья какого-нибудь молодого человека, который будет для нее честно зарабатывать хлеб. Вам тут совсем нечего делать, а вы лучше возьмите себе в жены дочь короля или графа. Да и в самом деле, что вы выпраете, если сделаете Николет своей любовницей и она будет спать с вамп? Мало будет от этого проку, так как па все дни вашей жизни вы будете опозорены, а душа ваша пойдет потом в ад, так как рая-то вам уж никогда не видать.

— Что мне делать в раю? Я совсем не желаю туда итти; мне нужна Николет, моя пежная подруга, которую я так люблю. Ведь

в рай идут только те люди, которых я вам сейчас назову. Туда идут старые попы, убогие и калеки, которые день и ночь томятся у алтарей и старых склепов, и те, кто ходит в лохмотьях, истрепанных капюшонах, и те, которые босы и наги и оборваны, кто умирает от голода, холода, жажды и всяких лишений. Все они идут в рай, но мне с ними там нечего делать. Я хочу попасть в ад, куда идут добрые ученые и прекрасные рыцари, погибшие на турнирах или в славных войнах, и хорошие воины и свободные люди. С ними хочу быть и я. Туда же идут и нежные, благородные дамы, у которых два или три возлюбленных, кроме их собственного мужа; идет туда золото, серебро и цветные меха; идут туда музыканты и жонглеры и короли мира. С ними хочу быть и я, пусть только Николет, моя нежная подруга, будет со мною.

— Напрасно вы все это говорите,— ответил виконт,— вы больше ее никогда не увидите. А если бы с пей поговорили и отец ваш узнал об этом, он бы сжег и ее, и меня в огне, да и вам самому было бы чего бояться.

— Тяжко мне это,— сказал Окассен и, печальный, ушел от виконта.

7

Здесь поется:

И вернулся Окассен,
Тяжким горем удручен.
Кто подаст ему совет?
От прекрасной Николет
Кто бедняжку отвлечет?
Вот он во дворец идет,
Возвращается домой,
Поднялся к себе в покой;

И, печалью омрачен,
Горько плакать начал он:
„Николет, чья речь сладка,
Поступь гордая легка,
Чьи движенья так плавны,
Так объятия нежны,
Весел нрав и смех игрив,
Стан и строен и красив,—
Ради вас страдаю я,
И терзают все меня.
Умереть пришла пора,
Друг мой — сестра!“

8

Говорят, рассказывают и повествуют:

Пока Окассен сидел у себя в комнате и скорбел о Николет, своей подруге, граф Бугар Валенский продолжал вести войну. Он созвал своих людей, конных и пеших, и отправился к замку, чтобы осадить его. И поднялся шум и крик, рыцари и воины вооружаются и бегут к степам и воротам замка, чтобы защищать его, а горожане взбираются на зубцы стен и бросают оттуда острые камни и колья.

В самый разгар осады граф Гарен пришел в комнату, где Окассен плакал и скорбел о своей подруге Николет, которую он так любил.

— Жалкий и несчастный сын,— сказал он ему,— как ты можешь спокойно смотреть, что твой замок, самый крепкий и лучший из всех, осажден врагами? Если ты его потеряешь, ты лишишься своего наследства. Сын мой, возьми оружие, садись на коня, защищай свою землю, помогай своим подданным, иди в битву. Если даже ты не будешь сам разить врагов и отражать удары, они все-таки воодушевятся, увидев тебя рядом, и станут лучше защищать свою жизнь и имущество и пашу с тобою землю. Ты такой большой и сильный, ты это можешь сделать, да ведь это и долг твой.

— Отец,— ответил Окассен,— что вы такое говорите? Пусть бог не даст мне того, о чем я прошу его, если я стану рыцарем, сяду на коня и пойду в сражение, чтобы разить врагов и отражать удары, а вы мне не дадите Николет, мою нежную подругу, которую я так люблю.

— Сын мой,— ответил отец,— этого быть не может. Пусть буду я лучше совсем разорен, пусть потеряю все, что имею, чем видеть ее твоей женою и подругой.

Он хотел уйти. Но Окассен, видя это, позвал его снова.

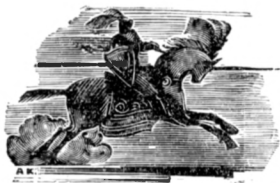
— Отец,— сказал он,— подождите, я хочу вам предложить хороший договор.

— Какой же, сын мой?

— Я вооружусь, пойду в битву с тем условием, что, если бог меня сохранит целым и невредимым, вы позволите мне увидеть Николет, мою нежную подругу, так, чтобы я мог сказать ей два-три слова и хоть один разок ее поцеловать.

— Я согласен на это,— ответил граф.

Он подтвердил свое обещание, и Окассен исполнился радости.

9

Здесь поется:

Счастлив Окассен и вот
Поцелуя милой ждет.
Целым тысячам наград
Был бы он не больше рад.
И в одежде дорогой
Снаряжается на бой.
Панцырь он надел двойной,
Шпагой ценной, золотой

Опоясался затем.
Вот надел забрало, шлем,
Ловко на копя вскочил,
Ноги в стремя вложил
И на них бросает взгляд.
Как красив его наряд!
Вспомнил он подруги взор,—
Под ударом острых шпор
Мчится вихрем конь лихой,
Он летит туда стрелой,
Где бой кипит.

10

Говорят, рассказывают и повествуют:

Окасцен вооружился и сел на коня, как вы уже слышали. Бог мой! Как ему пристали щит и шлем и меч на левом боку. Какой он высокий, стройный и красивый молодец; какой он сильный, и как благородна его осанка! А конь под ним крепкий и быстрый, и направил его рыцарь прямо в ворота. Не думайте, однако, что он собирался уводить быков, коров, коз

или разить врагов и отражать удары. Ничуть не бывало! Даже не вспомнил он об этом. Он так был погружен в мечты о Николет, своей нежной подруге, что забыл о поводах и о том, что должен делать. А конь его, почуяв шпоры, пронесся с ним через толпу и бросился в самую гущу врагов. И тут со всех сторон протянули они к нему руки, отняли у него щит и копьё и повели его, как пленника. Они шли и говорили уже о том, какую смертью его заставят умереть. И когда услышал это Окассен, он воскликнул:

— Господи милосердный! Неужели же это меня так ведут мои смертельные враги и собираются отрубить мне голову? Но ведь если они мне срубят голову, я уже никогда не буду говорить с Николет, нежной подругой, которую я так люблю. А у меня в руках есть еще добрый меч, да и конь подо мною неплохой! Попробую-ка я от них отбиться, и если бог меня любит, он им не станет помогать.

Он был здоровый и сильный молодец, а копьё под ним быстрый. Выхватил он меч и давай рубить направо и налево, разрубая шлемы и забрала, плечи и руки, и образовалась вокруг него такая свалка, как вокруг кабана, когда

его настигают в лесу собаки. И убил он таким образом десять рыцарей да еще ранил семерых, вырвался из толпы врагов и поскакал обратно в город с мечом в руке.

Граф Бугар Валенский, услышав, что хотят вешать Окассена, его врага, поехал навстречу. Окассен его узнал, в руке его был меч, он ударил им графа по шлему и ушиб ему голову так, что тот, оглушенный, упал на землю. Окассен протянул руки и потащил его, держа за шлем, к своему отцу.

— Отец,— сказал он,— вот враг ваш, который столько с вами воевал и вредил вам. Двадцать лет длилась эта война, и ни один человек не мог ее закончить.

— Сын мой милый,— ответил граф Гарен,— вот какие молодые подвиги должен ты совершать, а не мечтать о глупостях.

— Отец,— ответил на это Окассен,— оставьте ваши проповеди, а лучше исполняйте ваше обещание.

— Что такое? Какое обещание, сын мой?

— Как, отец, или вы позабыли? Клянусь головою своею, кто бы ни забыл, а уж я-то хорошо его помню,— так глубоко оно запало мне в сердце. Ведь вы обещали мне, когда я во-

оружался и шел на бой, что, если бог сохранит меня целым и невредимым, то вы позволите мне повидать Николет, мою нежную подругу, так чтобы я мог сказать ей два или три слова и хоть раз один ее поцеловать. Вы в этом мне поклялись, и теперь я хочу, чтобы вы исполнили вашу клятву.

— Я? — сказал отец. — Пусть бог меня покинет, если я исполню такое обещание. А если бы она была здесь, я бы ее сжег в огне, да и вам самому было бы чего бояться.

— И это все, что вы мне скажете?

— Видит бог, да, — ответил отец.

— Нечего и говорить, очень грустно мне, что человек вашего возраста лжет. Граф Валепский, — сказал Окассен, — я вас взял в плен, не так ли?

— Так, господин мой, — ответил граф.

— Так дайте мне на том руку.

— Охотно, господин мой.

И он подал Окассену руку.

— Дайте мне клятву, — продолжал Окассен, — что пока вы живете, вы будете вредить моему отцу, позорить его и разрушать его владения, сколько у вас хватит сил.

— Ради бога, господин мой, не шутите со

мною, а лучше назначьте мне выкуп. Сколько бы вы у меня ни попросили золота и серебра, скакунов и выючных коней, цветных мехов, собак или птиц,— я вам все отдам.

— Как,— возразил Окассен,— разве вы не знаете, что вы мой пленник?

— Знаю, господин мой,— ответил граф.

— Бог свидетель, если вы не поклянетесь мне в том, о чем я прошу, с вас слетит голова!

— Боже меня сохрани,— ответил тот,— я поклянусь вам в чем угодно.

Граф Бугар дал клятву, и Окассен посадил его на коня, сам сел на другого и проводил его до тех пор, пока он не был в безопасности.

11

Здесь поется:

Видит старый граф Гарен,
Что не может Окассен
Милой сердцу разлюбить,
Ясных глаз ее забыть.
Сына он в тюрьму послал,
В темный мраморный подвал,
В погреб мрачный под землей.
Полон юноша тоской,

Стал печальнее, чем был;
Плача, так он говорил:
„Дорогая Николет!
Друг мой нежный, лилий цвет,
В чаше спелых гроздий сок
Быть нежней тебя не мог.
Видел раз я, как один
Пилигрим из Лимузин
На одре лежал без сил,
Злой недуг его томил.
И была болезнь тяжка,—
Изнуряла старика;
Только мимо ты прошла,
Легкий плащ приподняла,
Мех собольей дорогой
И рубашки край льняной —
Ножку старец увидал
И сейчас здоровым стал.
От болезни исцелен,
Крепче прежнего стал он
И отправился один
В свой далекий Лимузин,
Позабыв про злой недуг.
Лилий цвет, мой нежный друг,
Ваша поступь так легка,
Речь отрадна и сладка,

Ласка и любовь нежны,
Смехом, радостью полны.
Как вас можно не любить?
Ради вас я должен жить
В келье тесной под землей.
Здесь погибну смертью злой,
Близок мой последний час,
Умру за вас!“

12

Говорят, рассказывают и повествуют:

Окассен был заключен в темницу, как вы уже слышали, а Николет сидела взаперти в комнате. Это было летом, в мае месяце, когда дни стоят теплые, длинные и ясные, а ночи тихи и прозрачны.

Однажды ночью Николет лежала в своей постели, и увидела она, что луна светит в окошко, услышала, что в саду поет соловей. Вспом-

нила она об Окассене, своем милом друге, которого она так любила. И стала она думать о графе Гарене Бокерском, который смертельно ее ненавидел, и решила, что ни за что больше здесь не останется. Ведь если бы ее кто-нибудь выдал и граф Гарен узнал, где она, он бы предал ее злой смерти.

Услыхав, что старушка, которая была с нею, заснула, она встала, надела красивый шелковый блю, потом взяла простыни и полотенца, связала их вместе и сделала из них веревку, такую длинную, как только могла. Привязала ее к подоконнику и спустилась вниз в сад.

Она подобрала свои одежды, одной рукой спереди, а другою сзади, и пошла через сад по траве, обильно смоченной росой. Волосы у нея были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, продолговатое лицо, прямой и тонкий нос, а губы алее, чем вишня или роза летнею порою, зубы мелкие и белые, а упругие груди приподнимали ее одежду, как два маленьких волошских ореха. Она была стройна в бедрах, и стан ее можно было охватить пальцами.

Цветы маргариток, которые она топтала своими ножками и которые ложились под ее

стопами, казались совсем черными по сравнению с ними,— так бела была эта девушка.

Она подошла к калитке, открыла ее и пошла по улицам Бокера, держась в тени, так как луна светила очень ярко, и шла она до тех пор, пока не достигла башни, где сидел ее друг. Башня эта была местами в трещинах; она прислонилась к одному из столбов, плотно завернулась в свой плащ, просунула голову в одну из расселин башни, старой и ветхой, и услышала, как скорбел и плакал Окассен, сожалея оставленную подругу свою, которую он так любил. Когда она его выслушала, она начала говорить сама.

13

Здесь поется:

Та, чьи очи так ясны,
Стала тихо у стены.
Окассена горек стоп,
О подруге плачет он.
И в ответ он слышит вдруг:
„Мой возлюбленный, мой друг,
Храбрый, честный мой герой,—
Ни слезами, ни тоской

Вам меня не возвратить,
И счастливым вам не быть!
Ненавидит ведь меня
Ваш отец и вся родня.
Через море, в край чужой
Я уйду, любимый мой“.
И красавица ему
Локон бросила в тюрьму.
Окасен густую прядь
Нежно начал целовать.
Даром милой упоен,
Скрыл его на сердце он,
После новых слез поток
Сдержатъ не мог.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда Окассен услышал, что Николет собирается бежать в чужие края, очень он рассердился.

— Милая подруга моя,— сказал он,— вы никуда не уйдете отсюда, потому что иначе я умру. Первый, кто вас увидит, если только сможет, овладеет вами, положит вас в свою постель, сделает своей любовницей. И если вы

ляжете в чью-либо постель, кроме моей, не думайте, что я буду ждать, пока найдется нож, которым я могу ударить себя в сердце и убить. Нет, в самом деле, долго ждать я не буду, и, если издали увижу крепкий камень или каменную стену, я разобью об него свою голову, так что глаза выскочат и мозги вывалятся наружу. Лучше уж умереть такою жестокою смертью, чем узнать, что вы лежали в чьей-либо постели, кроме моей.

— Ах,— молвила она,— я никогда не думала, что вы меня так сильно любите, но я-то вас люблю еще больше, чем вы меня.

— Увы,— ответил Окассен,— друг мой нежный, не может этого быть, чтобы вы любили меня так, как я вас. Женщина не может так любить мужчину, как он ее. Ведь любовь женщины живет в ее глазах, в кончиках груди и в пальцах ног, а любовь мужчины заключена в его сердце, откуда она уйти не может.

Пока Окассен и Николет так разговаривали, городская стража внезапно появилась на улице; под плащом у стражников были спрятаны обнаженные мечи. Ибо граф Гарен приказал им, если они встретят Николет, схватить ее и убить.

А сторож на башне видел, как они шли.

и слышал, как они говорили между собою о Николет и грозили убить ее.

„Боже,— сказал он себе,— как будет жалко, если они убьют эту славную девушку! Будет добрым делом предупредить ее так, чтобы они не заметили, и помочь ей спастись от них. Иначе они ведь убьют ее, и от этого умрет Окассен, мой молодой господин, а это будет большая беда“.

15

Здесь поется:

Сторож этот был герой,
Храбрый, с честною душой,
Был он ловок и умел,—
Песню чудную им спел:
„Девушка, ты так смела
И красива и мила,
Золотистая, в кудрях,
Смех в сияющих глазах.

Вижу я, хоть ты молчишь,
Ты с любимым говоришь.
Умереть он рад, любя.
Я ж хочу спасти тебя.
Слушай. Осторожна будь!
К нам солдаты держат путь.
Взять тебя они должны,
Их мечи обнажены,
Чтоб убить тебя верней,—
Беги скорей!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Ах,— сказала Николет,— пусть покоятся в блаженном мире души твоих родителей за то, что ты так благородно и ласково меня предупредил об опасности. Если богу угодно, я уберусь от них, и пусть он мне в этом поможет!

Она закуталась в свой плащ и укрылась в тени столба, пока они проходили мимо, потом простилась с Окассеном и пошла, пока не до-

стигла стены замка. Стена эта была в одном месте разрушена и наскоро заделана. Николет перелезла через нее и очутилась между стеною и рвом. Взглянула она вниз, видит — ров глубокий и крутой, и стало ей страшно.

„Создатель милосердный, если я упаду, то сломаю себе шею, а если я здесь останусь, меня найдут завтра и сожгут в огне. Пусть уж лучше я умру, а то завтра весь город будет на меня дивиться“.

Она перекрестилась и стала скользить вниз по склону рва, а когда достигла дна, ее нежные руки и ноги, которые до тех пор не знали ран, были все исцарапаны и исколоты, и кровь шла наверно в двенадцати местах, а она не чувствовала ни боли, ни страданий,— так ею владел страх.

Но если трудно было спуститься в ров, то выйти оттуда было еще труднее. Но она подумала, что там оставаться ей не годится, и, найдя заостренный кол, который горожане бросили сюда, защищая замок, она шаг за шагом стала с большим трудом подниматься и, наконец, вышла наверх.

Там был лес на расстоянии двух выстрелов из лука и тянулся он на добрых тридцать миль

в длину и в ширину, и были в нем дикие звери и всякие гады.

Она боялась идти туда и думала, что там ее съедят, но потом вспомнила, что, если ее здесь найдут, то отведут в город и сожгут там.

17

Здесь поется:

Перейти глубокий ров
Многих стоило трудов.
Николет, что так чиста,
Молиг вся в слезах Христа:
„Царь небес, куда итти?
Мне закрыты все пути.
Если в темный лес пойду,—
Смерть сейчас же там найду.

Стану пищей я волкам,
Львам и диким кабанам.
Если ж я останусь тут,—
На заре меня найдут,
И тогда несчастной мне
Предстоит сгореть в огне.
Боже мой, спаси меня!
Лучше пусть достанусь я
На съедение волкам,
Львам и диким кабанам,
Чем опять в Бокер идти
И смерть найти“.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Долго жаловалась так Николет, как вы уже слышали. Она поручила себя богу и пошла, пока не достигла леса. И не смела она войти в глубь его, так как боялась диких зверей и гадов, и спряталась под тень густого куста. Там ее охватил сон, и она проспала так до рапшей зари следующего дня, когда пастухи вышли из города и привели свои стада пасться на опушке леса у реки.

Там они отошли в сторону, сели на берегу славного ручейка, который протекал на опушке леса, разостлали на траве плащ и положили на него хлеб. Пока они ели, Николет проснулась от пения птиц и говора пастухов и подошла к ним.

— Милые дети,— сказала она,— бог вам на помощь.

— Бог да благословит вас,— ответил тот, который был поразговорчивее других.

— Милые дети,— продолжала Николет,— не знаете ли вы Окассена, сына графа Гарена?

— Конечно, знаем, даже очень хорошо.

— Если бог вам поможет, милые дети,— сказала она,— передайте ему, что в этом лесу водится зверь: пусть он придет охотиться на него, и если ему удастся его захватить, то ни одного кусочка этого зверя он не отдаст и за сто марок золотом, даже и за пять сотен, и за свое имущество не отдаст.

Они смотрели на нее и были поражены ее красотой.

— Передать ему это? — ответил тот, который был поразговорчивее других.— Будь проклят тот, кто скажет и передаст ему это! Это все выдумки, что вы говорите; в этом лесу нет ни

одного зверя, ни оленя, ни льва, ни кабана, который был бы так дорог, что один кусочек его стоил бы дороже двух или самое большее трех денье, а вы говорите о таких больших деньгах! Будь проклят тот, кто вам поверит и ему скажет об этом! Вы фея, нам вас совсем не надо, идите своею дорогой.

— Милые дети,— сказала она,— сделайте то, о чем я говорю! У этого зверя есть такое лекарство, что Окассен сразу излечится от своего недуга. Вот у меня в кошельке есть пять су, возьмите их себе, если вы согласны передать ему то, что я прошу. Пусть он охотится здесь в течение трех дней, а если он не найдет ничего за три дня, то ему больше никогда не видать этого зверя и не вылечиться от своего недуга.

— Честное слово,— воскликнул пастух,— деньги-то мы возьмем, и, если он сюда придет, мы ему все скажем, но сами не пойдем его искать.

— Ну, хорошо,— ответила девушка. Она простилась с пастухами и ушла.

19

Здесь поется:

Шастухам послав привет,
Удалилась Николет,
Трудный путь направив свой
Через темный лес густой.
И тропинкой вековой
В край пришла она глухой.
Семь дорог скрестилось тут,
Что по всей стране идут.

Вдруг ей мысль пришла одна:
Хочет испытать она,
Любит Окассен иль нет?
Собирает Николет
Белой лилии цветы,
Травы, свежие листы,
И из веток и цветов
Чудный уголок готов.
„Боже правый, мне внемли!
Друга ты сюда пошли.
Если мимо он пройдет,
Здесь хоть миг не отдохнет,
Значит, я не друг ему,
Конец всему!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Николет устроила беседку, как вы уже слышали, славную и красивую, убрала ее цветами и листьями снаружи и внутри, а сама спряталась неподалеку в кусты, чтобы посмотреть, что будет делать Окассен. И пошел слух по всей стране и по всей земле, что Николет пропала. Одни говорили, что она бежала, а другие полагали, что граф Гарен велел ее убить.

Если кто-нибудь этому и радовался, то Окассену совсем не было весело.

И граф Гарен, его отец, освободил его из тюрьмы, созвал со всей страны рыцарей и девишек и устроил пышный праздник, думая так развеселить Окассена, своего сына.

В самый разгар празднества Окассен, печальный и унылый, стоял, прислонившись к колонне. Кругом все радовались, но Окассену не было весело, так как здесь не видел он ничего того, что он любил. Один рыцарь, увидев его там, подошел и окликнул его.

— Окассен,— сказал он,— я был болен тем же самым недугом, что и вы. Я вам дам хороший совет, если вы хотите мне довериться.

— Господин мой,— сказал Окассен,— спасибо вам, хороший совет мне дорог.

— Садитесь на коня и поезжайте прокатиться по этому лесу, вы увидите там цветы и травы и услышите, как поют птички. Быть может, случайно вы там услышите такое словечко, от которого вам станет легче.

— Господин мой,— ответил Окассен,— спасибо, я так и сделаю.

Он уходит из зала, спускается по ступеням вниз, идет в конюшню, где стояла его лошадь.

Потом он велел оседлать и взнуздать коня, вложил ноги в стремяна и поехал прочь от замка. И ехал он до тех пор, пока не достиг леса. И дальше подъехал он к ручейку, нашел пастухов как раз в девятом часу дня. Они разостлали плащ на траве, ели хлеб и очень веселились.

21

Здесь поется:

На опушке у реки
Собралися пастушки:
Эсмере и Мартине,
Фрюэлин и Жоане,
Рабекон и Обрие.
И сказал из них один:
„Окассен, наш господин,
Храбрый рыцарь молодой,—

Видит бог, хорош собой.
Здесь красавица была,—
Много денег нам дала:
Золотистая, в кудрях,
Свет сиял в ее глазах.
Можем мы купить теперь
Пряник сладкий и свирель,
Острый ножик, флейту, рог,—
Будь с ней сам бог!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Песня пастухов напомнила Окассену о Николет, нежной подруге, которую он так любил, и он подумал, не проходила ли она мимо? Он пришпорил коня и подъехал к пастухам.

— Бог на помощь, милые дети!

— Здравствуйте,— ответил ему тот, который был поразговорчивее других.

— Милые дети, спойте-ка еще раз ту песенку, которую вы только что пели.

— Нет, петь мы больше не будем,— ответил тот, который был поразговорчивее других.— Будь проклят тот, кто споет ее вам, сударь.

— Милые дети, разве вы меня не знаете?

— Как не знать! Вы — Окассен, наш молодой господин, только мы не ваши, а графские.

— Милые дети, сделайте то, о чем я прошу.

— Ну, вот еще, чорт возьми! Стану я петь для вас, если мне не хочется! Разве найдется в этой стране хоть один такой важный человек, кроме графа Гарена, который, найдя моих быков, коров и овец на своих лугах и в своей пшенице, осмелился бы их выпнать, даже если бы ему грозили выколоть глаза? Так зачем же я буду петь для вас, если мне этого не хочется?

— Ради бога, милые дети, согласитесь на мою просьбу. Возьмите себе десять су, которые я нашел у себя в кошельке.

— Сударь, деньги-то мы возьмем, но петь для вас я все-таки не стану, так как я ведь поклялся в этом. Впрочем, если вы уж так хотите, я могу рассказать вам обо всем.

— Клянусь богом,— сказал Окассен,— лучше уж это, чем ничего.

— Сударь, мы были здесь сегодня утром между первым и третьим часом и ели здесь

у ручья хлеб, вот как сейчас. И пришла сюда девушка, такая красивая, что мы ее приняли за фею,— так от ее красоты засиял весь лес. Она дала нам столько денег, что мы обещали ей, если вы придете сюда, сказать вам, чтобы вы здесь в лесу поохотились. Здесь живет зверь, и если вы его захватите, то не отдадите ни одного кусочка его ни за пять сотен марок золотом, ни за какие деньги; ибо он обладает лекарством, которое, если вы сможете поймать зверя, сразу излечит вас от недуга. В течение трех дней должны вы захватить этого зверя, а если вам это не удастся, то вы его больше никогда не увидите. Ну, так охотьтесь, если вам хочется, а если нет, так не надо. А я свое дело сделал.

— Милые дети,— сказал Окассен,— вы мне достаточно сказали, теперь пусть бог поможет мне его найти.

23

Здесь поется:

Окассену речь ясна:
Передать она должна
О подруге милой весть.
На коня спешит он сесть
И въезжает в лес густой.
Верный конь летит стрелой,
Быстро юношу он мчит.
Вот как рыцарь говорит:

„Мне олень и кабаны
Для охоты не нужны.
Ясноокой Николет
Здесь в лесу ищу я след.
Стройный стан и светлый взор,
Смех и нежный разговор
Сердце мне навек пленил.
Если так господь судил,
Вас еще увижу я,
Любовь моя!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Едет Окассен по лесу, с дороги на дорогу, и конь несет его быстрым ходом. Не думайте, что его шадили шипы и колючки. Ничуть не бывало! Они рвали его одежды, так что скоро не осталось на нем ни одного цельного куска, и в крови были его руки, грудь и ноги. Кровь шла из тридцати или сорока мест, так что можно было видеть на траве следы крови, которая ка-

пала из его рап. Но он так глубоко задумался о Николет, своей нежной подруге, что не чувствовал ни боли, ни страданий, и все ехал дальше в лес, по никаких вестей о ней не было.

И когда он увидел, что приближается вечер, он стал плакать о том, что не смог он найти ее.

Проезжая по старой, заросшей травой дороге, он взглянул перед собою и увидел вдруг человека, вот такого, как я вам сейчас опишу.

Он был высок ростом, дикий с виду и чудовищно безобразный. Голова у него была огромная, чернее угля, расстояние между глаз — с добрую ладонь, щеки толстые, огромный плоский нос с широченными позdryми, губы толстые, краснее сырого мяса, зубы длинные, желтые и безобразные. На ногах у него были гамашы, и обут он был в сапожки из воловьей кожи, обмотанные лыком и завязанные веревкой до самых колен. Он был закутан в плащ на подкладке и опирался на большую дубину.

Когда Окассен вдруг его увидел, он был охвачен сильным страхом.

— Бог в помощь тебе, братец!

— Бог да благословит и вас,— ответил тот.

— Послушай-ка, что ты тут делаешь?

— А вам-то какое до этого дело?

— Никакого, я просто спросил по-хорошему.

— О чем это вы плачете,— сказал тот,— и что вас так печалит? Если бы я был таким важным человеком, как вы, никто в мире не мог бы заставить меня плакать.

— А! Так ты меня знаешь?— спросил Окассен.

— Да, я знаю, что вы Окассен, графский сын, и если вы мне скажете, о чем вы плачете, я вам скажу, что я здесь делал.

— Ну что же,— ответил Окассен,— я тебе скажу охотно. Сегодня утром я приехал в этот лес поохотиться, и со мною была белая левретка, самая прелестная в мире, и вот я ее потерял, потому и плачу.

— Бог мой! — воскликнул тот,— и чего только ни выдумают эти господа! И вы плачете из-за какой-то вонючей собачонки! Будь проклят тот, кто вас за это похвалит. Нет в нашей стране такого важного человека, которому ваш отец приказал бы достать их десять, пятнадцать или двадцать, и тот не исполнил бы этого с большой охотой и был бы этому только рад. Вот я так действительно могу плакать и печалиться.

— А ты о чем же, братец?

— Сударь, я расскажу вам, почему. Я был нанят одним богатым крестьянином, чтобы ходить за плугом с четырьмя волами. Три дня тому назад со мной случилось большое несчастье — я потерял лучшего из моих волов, Роже, самого сильного. И теперь хожу и ищу его. Я ничего не ел и не пил три дня, а в город вернуться не смею, там меня посадят в тюрьму, так как мне нечем заплатить за вола. Во всем мире у меня нет никакого имущества, кроме того, что вы на мне видите. У меня есть бедная мать, у нее ничего не было, кроме старого тюфяка, да и тот теперь вытащили у нее из-под спины, и теперь она спит на голой соломе. И вот это-то и печалит меня больше, чем мое собственное горе. Потому что ведь деньги приходят и уходят. И если я теперь потерял, я выиграю в другой раз и заплачу за своего быка. Ради этого одного я бы не стал плакать. А вы убиваетесь из-за какой-то паршивой собачонки. Будь проклят тот, кто вас за это похвалит.

— Славно ты меня утешил, братец! Пошли тебе бог удачи. Сколько стоил твой вол?

— Сударь, с меня спрашивают двадцать су, а у меня не найдется и одного гроша.

— Вот возьми, у меня тут есть двадцать су, ты и заплатишь за своего вола.

— Сударь,— сказал крестьянин,— спасибо вам за это, пусть бог поможет вам найти то, что вы ищете.

Он уходит дальше, а Окассен продолжает путь.

Ночь была ясная и спокойная, он ехал долго, пока не достиг того места, где расходились семь дорог. Здесь он увидел беседку, которую, как вы знаете, устроила Николет; она была вся разубрана цветами и листьями внутри и снаружи, и сверху, и спереди и была так красива, что трудно себе представить что-нибудь лучшее. Когда Окассен ее увидел, он сразу остановился, а на беседку упал луч луны.

— Боже мой,— сказал он,— ведь это сделала Николет, моя нежная подруга! Она устроила это своими прекрасными руками. Ради нежности и любви моей к ней я сойду с коня и отдохну здесь сегодня ночью.

И он вынул ногу из стремени, чтобы сойти с коня, а конь его был высокий и большой. И так задумался он о Николет, своей подруге нежной, что упал на землю так тяжело, что ударился о камень и вывихнул себе плечо.

Он почувствовал себя сильно рапленным, но употребил все старания и привязал лошадь здоровой рукой к кусту шиповника, потом повернулся на боку и растянулся в беседке на спине. И, глядя в отверстие над головою, он видел звезды. Одна из них казалась ярче других, и Окассен начал говорить так.

25

Здесь поется:

Звездочка, ты мне видна,
Привлекла тебя луна.
Там с тобою, знаю я,
Светлокудрая моя,
Друг мой нежный, Николет.
Бог зажег вечерний свет,
И, чтоб ярче он сиял,
Он к себе ее позвал.

Ах, как бы хотелось мне
Там, в небесной вышине,
Мою милую ласкать.
(Пусть я упаду опять!)
Если б царским сыном был,
Я б, как равную, любил,
Милая, тебя!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда Николеет услышала Окассена, она подошла к нему, потому что была недалеко. Она вошла в беседку, бросилась в его объятия и стала его ласкать и целовать.

— Милый, нежный друг мой, наконец-то я нашла вас!

— И я вас также, милая, нежная подруга!

И снова обнимались и целовались, и велика была их радость.

— Подумайте, моя нежная подруга,— сказал Окассен,— я вывихнул себе плечо, а теперь не чувствую ни боли, ни страданий, потому что вы со мною.

Она его потрогала и увидела, что плечо вывихнуто. Тогда она стала его растирать своими белыми ручками, и с помощью бога, который любит влюбленных, она вправила ему плечо. А потом она нарвала цветов, свежих трав и зеленых листьев, привязала их к его плечу лоскутком своей рубашки, и Окассен стал здоровым.

— Окассен, милый и нежный друг мой, теперь послушайте моего совета. Если ваш отец пошлет искать вас завтра в этом лесу, меня найдут и, что бы ни случилось с вами, меня-то убьют наверно.

— Моя дорогая, нежная подруга, это причинило бы мне большое горе. Но если я смогу, я вас никому не отдам.

Он сел на коня, посадил перед собою свою подругу, целуя ее и обнимая, и они выехали в открытое поле.

27

Здесь поется:

Светлокудрий Окассен
Ясным счастьем упоен.
Он оставил лес густой
И в седле перед собой
Свою милую везет.
Белый лоб и нежный рот
И глаза целует ей,
Полный радостью своей.

„Друг мой, — говорит она, —
Где, скажите, та страна,
Куда мы направим путь?“
— „Все равно, куда-нибудь!
Через равнину, в лес густой,
Лишь бы ты была со мной“.
По полям, среди холмов,
Мимо замков, городов
Вихрем быстрый конь летел.
Берег моря — их предел.
Там кончен путь.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Окассен сошел с коня вместе со своею подругой, как вы уже слышали и знаете. Он держит лошадь под уздцы, ведет свою подругу за руку, и они идут вдоль берега.

И видит Окассен — плывет корабль, а на нем купцы, совсем близко от берега. Он сделал им знак, они подъехали к нему, сговорились с ним и посадили его на свой корабль. И когда

они были в открытом море, поднялась великая и страшная буря, которая гнала их из страны в страну, пока они не приехали в чужую землю и вошли в гавань замка Торлор. Они спросили, чья это земля, и им ответили, что земля эта принадлежит королю Торлорскому. Потом Окассен спросил, что это за человек и ведет ли он с кем-нибудь войну, и ему сказали в ответ:

— Да, он ведет большую войну.

Тогда Окассен простился с купцами, и они поручили его богу. Он садится на коня, опоясанный мечом, держа перед собою свою подругу, и таким образом подъезжает к замку.

Он спрашивает, где король, и слышит в ответ, что король лежит в родах.

— А где же его жена?

И ему отвечают, что она воюет и увела с собою на войну всех жителей замка. Услышав это Окассен и удивился. Подъехал ко дворцу, слез с коня сам, и его подруга тоже. Он дал ей подержать лошадь, а сам, опоясанный мечом, вошел во дворец, и шел он так, пока не достиг покоя, где лежал король.

29

Здесь поется:

Храбрый рыцарь молодой
Окасен вошел в покой.
Ложе пышное стоит,
И на нем король лежит.
Окасен замедлил шаг,
Стал пред ним и молвил так:
„Что ты здесь лежишь один?“
— „У меня родился сын.

Когда время истечет
И болезнь моя пройдет,
Я отправлюсь в храм святой,
Как велит обычай мой;
Отстою обедню там,
А потом к своим войскам
Вернусь опять“.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда Окассеп услышал эти слова короля, он сорвал с него все покрывала и разбросал их по полу. Потом он увидел палку, которая тут же стояла, взял ее, повернулся и избил ею короля так, что тот чуть не умер.

— Господин мой,— воскликнул король,— что вам от меня надо? С ума вы, что ли, сошли, что вздумали меня бить в моем собственном доме?

— Чорт возьми, дрянной потаскухин сын,— сказал Окассен,— я совсем вас убью, если вы мне не поклянетесь, что никогда еще ни один мужчипа в вашей стране не родил ребенка.

Тот поклялся, и тогда Окассен сказал ему:

— Ведите же меня теперь туда, господин мой, где находится ваше войско и ваша жена.

— Охотно, господин мой,— ответил король.

Он сел на коня, Окассен на своего, а Николет осталась в покоях королевы. И ехали король и Окассен до тех пор, пока не достигли того места, где была королева, и они увидели, как люди сражались печеными лесными яблоками, яйцами и свежими сырами.

Посмотрел на это Окассен и порядком подивился.

31

Здесь поется:

Окасеп был удивлен.
На седло оперся он
И смотрел перед собой
На диковинный их бой.
Свежим сыром и плодом —
Вот чем бились в войске том,
И летал над головой
Гриб огромный полевой.

**Кто кричит погромче, тот
Храбреем у них слывет.
Рыцарь смелый возмущен,
Удержать не может он
Веселый смех.**

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда Окассен увидел эту диковинку, он подошел к королю и окликнул его.

— Господин мой,— сказал он,— это все враги ваши?

— Да, господин,— ответил король.

— Хотите ли вы, чтобы я им за вас отмстил?

— Конечно, хочу,— ответил снова король.

Окассен обнажил меч и бросился на них: он начал рубить направо и налево и многих убил. И когда король увидел, что он их убивает, он схватил его за поводья и сказал:

— Господиш мой, не убивайте их таким манером.

— Как,— сказал Окассен.— Ведь вы же хотели, чтобы я отомстил за вас!

— Господиш мой,— ответил король,— вы слишком постарались. У нас нет обычая убивать друг друга.

Враги обратились в бегство. А король и Окассен вернулись в замок Торлор.

И люди той страны просили короля, чтобы он прогнал Окассена за пределы их земли и дал бы Николет в жены своему сыну, так как она казалась им женщиной знатного рода. Николет, узнав об этом, не обрадовалась и стала говорить так.

Здесь поется:

Возмущает Николет
Данный королю совет:
„Кем считают здесь меня?
Разве так безумна я?
Если мною восхищен,
Красотой моей пленен,
Обоймет меня мой друг,—

Пусть веселый пляс вокруг,
Нежных арф и скрипок звон,—
Ничего не стоит оп,
 Когда я с ним!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Окассен жил в замке Торлор, полный веселья и радости, так как с ним была Николет, его нежная подруга, которую он так любил. Но пока он предавался веселью и удовольствиям, подошло с моря войско сарадин; они осадили замок и взяли его силой. Они забрали всякое имущество и увели с собой пленников и пленниц. И взяли они также Николет и Окассена.

Ему связали руки и ноги и бросили его на один корабль, а Николет — на другой.

И поднялась на море буря, которая рассеяла корабли. Тот, на котором был Окассен, долго носился по морю, пока не приплыл к замку Бокер.

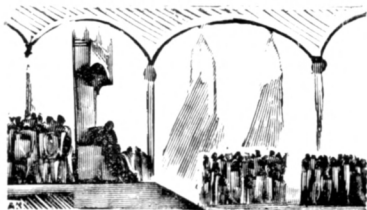
Жители страны прибежали на берег за добычей, нашли Окассена и узнали его. Когда увидели обитатели Бокера своего молодого господина, они очень обрадовались ему, так как Окассен пробыл в замке Торлор добрых три года, а за это время родители его умерли. Его повели в замок Бокер, все признали себя его подданными, и он мирно стал управлять страной.

Здесь поется:

Окассен в Бокер родной
Прибыл, наконец, домой.
В старом замке водворен,
Мирно графством правит он.
Видит бог, без Николет
Для него не мил весь свет.
Больше он скорбит о ней,
Чем о всей родне своей.

„Ясноокая моя,
Как без вас тоскую я!
Если б мог я только знать,
Где я должен вас искать,—
По морям и городам
Я б по вашим шел следам,
Чтоб вас найти“.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Теперь оставим Окассена и скажем о Николет. Корабль, на котором она плыла, принадлежал карфагенскому царю, а он приходился ей родным отцом, и у нее было двенадцать братьев, все принцы и короли. Когда они увидели, как прекрасна Николет, они оказали ей великий почет, всячески ухаживали за ней и часто спрашивали, кто она такая, так как она

казалась им женщиной благородной и знатной по рождению. Но она не могла им сказать, кто она такая, так как она была украдена малым ребенком. И они плыли все дальше, пока не достигли города Карфагена. Когда Николет увидела стены замка и всю страну, она вспомнила, что здесь она была воспитана и отсюда украдена маленьким ребенком. Так как она все же была не настолько мала, чтобы не вспомнить о том, что она была дочерью здешнего царя и в этом городе была воспитана.

37

Здесь поется:

Николет перед собой
Видит берег свой родной.
Пышных замков и палат
Перед ней блистает ряд.
„Что мне в том, что я знатна,—
Тут воскликнула она,—
Что отец — дарь этих стран,
Что родня мне сам султан!

Я попала к диким в плен.
Рыцарь храбрый Окассен,
Вы отважны и смелы,
Благородны и милы.
К вашей ласке я стремлюсь
И терзаюсь и томлюсь!
Если б бог мне счастье дал,
Чтобы вновь поцеловал
Мне уста хоть раз один
Мой властелин!“

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда карфагенский царь услышал, что сказала Николет, он ее обнял и молвил так:

— Милое дитя мое, скажите мне, кто вы такая. Не бойтесь меня.

— Господин мой,— ответила она,— я дочь карфагенского царя и была похищена маленьким ребенком пятнадцать лет тому назад.

Когда они услышали эти слова, они поняли, что она говорит правду.

Тогда они радостно приветствовали ее и с великим почетом повели во дворец, как царскую дочь. Там прожила она три или четыре года, пока, наконец, не решили ее выдать замуж за какого-нибудь важного короля-язычника. Но она не хотела и думать о замужестве. Стала она придумывать, каким бы способом ей отыскать Окассена.

Она достала виолу и научилась играть на ней. Однажды ночью она бежала, пришла в гавань и поселилась там у одной бедной женщины на берегу моря. Она достала одну траву, натерла ею себе лицо и голову, так что стала совсем смуглой и черной. Потом велела она себе шить кафтан и плащ, рубашку и штаны, переделась жонглером, взяла свою виолу, пришла к одному моряку, сговорилась с ним, и он взял ее к себе на корабль.

Они распустили парус, поплыли по открытому морю и прибыли в земли Прованса. Николет сошла с корабля, взяла свою виолу и, играя на ней, пошла по всей стране, пока не достигла замка Бокер, где находился Окассен.

Здесь поется:

Раз в Бокере во дворце,
Возле башни на крыльце,
Пышной свитой окружен,
Тихой грустью напоен,
Молча Окассен сидел.
Птичий хор кругом звенел;
Травы, зелень и цветы
Пробудили в нем мечты
О любви минувших лет,
О прекрасной Николет,—

Лил он слезы о былом.
Вдруг с виолой и смычком
Николет подходит к ним.
„Кто внимать словам моим
Из баронов бы хотел,
Я бы песнь о том пропел,
Как любила много лет
Окассена Николет;
Как ее в лесу густом
Отыскал он, и потом
Долго в замке де-Торлор
Оба жили с этих пор.
Как они попали в плен;
Где тот рыцарь Окассен,
Мы не знаем, но она
В Карфаген отвезена.
Там отец ее царит,
Любят он ее и чтит.
Хочет дать он, знаю я,
Ей язычника в мужья.
Несогласна Николет,
Для нее милее нет
Окассена,— он один
Ей и друг и властелин.
Не возьмет ее женой
Никто другой“.

Говорят, рассказывают и повествуют:

Когда Окассен услышал, что сказала Николет, он исполнился радости, отвел ее в сторону и сказал:

— Милый друг, не знаете ли вы чего-нибудь об этой Николет, о которой вы сейчас пели?

— Да, господин мой, я знаю, что она самое благородное, умное и милое создание на свете. Она дочь карфагенского царя, и он захватил

ее в плен там же, где и Окассена, потом ее привезли в город Карфаген. Там он узнал, что она его дочь, и очень обрадовался тому, что нашел ее. Теперь ее собираются каждый день выдать замуж за одного из самых могущественных королей Испании. Но она скорее позволит себя повесить или сжечь, чем согласится взять мужа, даже самого важного.

— Ах, милый друг мой,— сказал тогда Окассен,— что если бы вы пошли обратно в ту страну и сказали ей, чтобы она пришла поговорить со мной? Я бы дал вам из моих богатств столько, сколько вы бы решились попросить и взять себе. Знайте же, что из любви к ней я не беру себе жены, даже самого знатного рода. Я жду ее, и никакой другой жены, кроме нее, у меня не будет. И если бы я знал, где ее искать, теперь я бы уже давно нашел ее.

— Господин мой,— ответила Николет,— если так, я пойду искать ее ради вас и ради нее, которую я так люблю.

Он подтвердил свои слова и дал ей двадцать ливров.

Она хотела уйти и увидела, что он плачет от любви и нежности к Николет. Тогда она ему сказала:

— Господин мой, не грустите, через самое короткое время я приведу ее к вам в город, и вы ее увидите.

Окассен услышал это и очень обрадовался.

Она ушла от него и отправилась в город в дом жены виконта, так как виконт, ее крестный отец, уже умер.

Она поселилась там и рассказала ей обо всем, так что жена виконта ее узнала и поняла, что это та самая Николет, которую она выкормила.

Затем Николет выкупалась и вымылась и пробыла там целых восемь дней. И достала она траву, которая называется чистотел, натерлась ею и стала снова красавицей, какою была раньше.

Она надела богатое платье из шелка, каких у жены виконта было много, и села в комнате на стеганом шелковом одеяле; позвала жену виконта и попросила ее привести Окассена, своего друга. Та так и сделала. И когда она вошла во дворец, то застала там Окассена, который плакал и горевал по Николет, своей подруге, что ее так долго нет.

— Не печальтесь больше, Окассен, лучше пойдете со мною, и я покажу вам ту, которая

вам дороже всех на свете. Это Николет, ваша нежная подруга, которая пришла из далекой страны, чтобы увидеть вас.

И счастлив был Оксесен.

41

Здесь поется:

Окассену весть сладка:
Слышит, что к нему близка
Та, чей ясен светлый взор.
Никогда до этих пор
Не был рыцарь веселей.
Во дворец спешит скорей,
Где его подруга ждет.
С ложа пышного встает,

Увидав его, она,
Ясной радости полна.
Он ее к груди прижал
И ласкал и целовал
Ей глаза и нежный рот.
Так вся ночь у них идет.
А когда заря взошла,
В церковь с ним она пошла,
Стала знатной госпожой
Графа де-Бокер женой.
И с тех пор у них идет
Жизнь без горя и забот.
Много дней и много лет
Окассен и Николет
В мирной радости живут.
Сказку-песнь окончим тут.
Я все сказал.

КОММЕНТАРИИ

1

Деление на главы, стихотворные и прозаические, отсутствует в рукописи текста и введено его издателем, Н. Suchier.

Такое чередование стихов и прозы,— причем в стиховую форму облечены не только лирические пассажи или речи действующих лиц, но отчасти и повествовательные места, точно так же, как, с другой стороны, часть речей входят в состав прозы,— является случаем единственным во всей средневековой французской литературе. Как объяснить эту необычайную форму? Предполагали влияние кельтских или арабских повестей, в которых встречается смешение прозы и стихов (например, в сказках „1001 ночи“);

однако вполне точных и убедительных параллелей не было найдено. Издатель текста Н. Suchier считает, что мы имеем здесь переходную форму от стихотворной к прозаической повести, развившейся позже. Однако это еще не объясняет самой структуры данной формы и способа исполнения. Meyer-Lübke (в „Zeitschrift für romanische Philologie“, 1910, XXXIV, 513—522) высказал предположение, что наш текст — древнейшая чисто светская *пьеса* (с актерами и лектором) на французском языке и что заголовки: „or se cante“ („здесь поется“) и „or dient et content et fabloient“ („здесь говорят, рассказывают и повествуют“) — не что иное, как сценические указания относительно способа исполнения отдельных ролей: так, например, dient относится к прямой речи действующих лиц, выражающей их мысли и чувства, fabloient — к собственно повествовательным местам, которые произносились лектором, а content — к тем местам прямой речи, которые повествуют о событиях (например, речи пастухов в конце гл. 22). Подтверждением этого, по мнению Meyer-Lübke, является употребление множественного числа: dient et content et fabloient. Однако гипотеза эта признания не получила. Гораздо правдоподобнее предположение Ascher'a („Zeitschrift für romanische Philologie“, 1911, XXXV (741—743), что наша „песня-сказка“ исполнялась одним жонглером на разные голоса, подобно многим dits Рютбефа (XIII век). Разложение драмы в речитатив мы наблюдаем уже в александрийскую

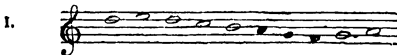
эпоху, причем у исполнявших подобные произведения античных мимов мы уже встречаем иногда смешение стихов с прозой. От мимов этот прием перешел к их преемникам — средневековым жонглерам. Интересно сопоставить с этим мнение А. Н. Веселовского, который, быть может, ближе других подошел в этом вопросе к истине. В своей работе „Эпические повторения как хронологический момент“ (1897; перепечатана в собрании его сочинений, т. I „Поэтика“, 1913) он возводит форму „Окассена и Николет“ к древнему амебейному (т. е. двумя или большим числом певцов-сказителей) исполнению (а также и сложению) эпических песен-сказаний. Чередование при этом стихов и прозы — вещь обычная. Когда впоследствии материал подвергся объединению и перешел в руки одного исполнителя, последний мог сохранить часть повторений, возникших при амебейном исполнении, когда вновь вступавший певец-сказитель „подхватывал“ партию предыдущего. Такие частичные повторения — причем иногда стихотворный отрывок подхватывает прозаическую партию, иногда наоборот — Веселовский находит в гл. 3 по отношению к гл. 2, в гл. 4 к гл. 2, в гл. 5 к гл. 4, в гл. 6 к гл. 5 (и отчасти даже к гл. 2 и гл. 4), в гл. 8 к гл. 2, в гл. 11 к гл. 7, в гл. 20 к гл. 19 и т. д. Но ясно, конечно, что, какова бы ни была генетика этой формы, она могла сохраниться (или закрепиться) лишь в силу нового, порождаемого ею эмоционально-художественного эффекта, отвечавшего

запросам той среды, в которой произведение возникло. Такая распевность с повторами, свойственная крестьянской поэзии и чуждая куртуазной литературе, удовлетворяла вкусы разночинной и плебейской аудитории.

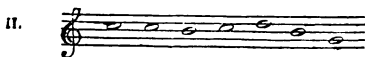
Стихотворные части написаны в форме сплошных тирад (*laisses*, как в *chansons de geste*) из семисложных стихов (других примеров такого размера мы также не знаем), на один ассонанс, за исключением коротких заключительных строк (кода) в пять слогов (последний — „немое“ *e*), которые в свою очередь связаны одним общим ассонансом на протяжении всего произведения. (В переводе эта особенность, к сожалению, не соблюдена: ассонанс заменен рифмами, попарно связывающими строки, а заключительные строки, сокращенные до четырех слогов, ни с чем не связаны ни рифмой, ни ассонансом.)

Стихи эти пелись на одинаковую мелодию, которая приведена в рукописи. Она состояла из двух колен и охватывала каждую пару строк, повторяясь затем нужное количество раз до коды, имевшей свой особый папев. Приводим эту мелодию в транскрипции, предложенной W. S. Rockstroe (в издании *facsimile* текста, F. W. Bourdillon'a, Oxford 1896).

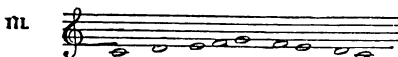
Для нечетных стихов (первое колено):

Для четных стихов (второе колено):

Для коды:

Во втором колене число нот соответствует числу слогов. В первом триоль из малых (черных) нот покрывала, повидимому, шестой слог стиха, а на последний слог приходились две последние целые ноты (в переводе: „Кто услышать хо-ч^еет сти-их“). В коде на пять слогов приходится девять нот. Как они размещались, с уверенностью сказать трудно. Можно предположить такое распределение: Tant par e-e-est ri-i-se-es (в переводе, где пятый слог отсутствует, пришлось бы нагрузить четвертый слог четырьмя нотами).

1

Все имена собственные старофранцузского текста даны в модернизированном произношении.

2

Бокер находится в Провансе, почти рядом со знаменитым Тарасконом, в 15 километрах

к северу от Арля и на расстоянии 25 километров от моря. В XII веке граница моря проходила гораздо севернее, чем сейчас, и Бокер находился совсем недалеко от берега (см. главу 34, где жители Бокера идут на берег в поисках „добычи“). Никакого графства в Бокере в ту пору не было. Но местность эта славилась своими ярмарками, и потому какой-нибудь бродячий жонглер мог занести название ее и на север Франции. На юге Франции было несколько городов, называвшихся Валенс. Какой из них имеется здесь в виду, установить трудно.

„Волосы у него были светлые“.— Белокурые волосы в средневековой Франции считались обязательным атрибутом красоты.

6

Характеристика рая и ада, которую дает Окассен, обнаруживает у автора необычайно смелое для той эпохи свободомыслие. Другие примеры таких иронических рассуждений мы встречаем лишь в гораздо более позднее время, когда буржуазия уже открыто выступает со своей оппозиционной (и вместе с тем антиклерикальной) программой. Очень близкие параллели мы находим у Лудольфа Судгеймского („De itinere terrae sanctae“, около 1350 г.), во французских новеллах XV века, в „Масагопеа“ Фоленго (XVI века) и т. д.: там всюду рай изображен как обиталище всякой скуки и немощи.

Договор, который Окассен предлагает отцу,— почти пародия на рыцарские идеи эпохи. Один из самых обычных мотивов куртуазной поэзии— то, что поцелуй или хотя бы ласковый взгляд любимой вдохновляют рыцаря на великие подвиги, или, наоборот, что он совершает блестящие подвиги для того, чтобы заслужить благосклонность своей дамы. Здесь Окассен идет на это ненавистное для него дело только для того, чтобы такой ценой добиться права на свидание с милой, которая поцелует его отнюдь не за это.

„И на них бросает взгляд“.— Рыцарь, выезжая па бой, всегда проверял, хорошо ли он вложил ноги в стремяна.

Рыцарь, который так глубоко задумался о своей возлюбленной, что не замечает грозящей ему опасности,— мотив нередкий в куртуазных романах. Но здесь этот момент и последующая столь внезапная победа Окассена изображены в явно шуточных тонах. Такой же шуточный характер, но уже на этот раз связанный с дерзким протестом против всех священнейших феодальных понятий, носит разговор Окассена с плененным им врагом.

„В чаше спелых гроздий сок“.— В подлиннике сказано просто: *soupe en maserin* („суп в деревянной чаше“), но, без сомнения, имеется в виду вино, сваренное с пряностями, которое служило первым утренним напитком.

Блио — вид средневековой одежды, нечто вроде камзола, стянутого в поясе и доходившего до колен. Блио носили как мужчины, так и женщины, и надевался он обычно поверх рубашки, но под верхнее платье.

Прототипом песни сторожа является „альба“ — один из жанров рыцарской поэзии, имеющий в виду следующую ситуацию: в то время как рыцарь пробрался к замужней даме, своей возлюбленной, и проводит с нею ночь, его спутник — верный друг или оруженосец — сторожит у подножия башни и при первых лучах зари (по-провансальски — *alba*, откуда название жанра) своей песней будит любящих, предупреждая их об опасности быть застигнутыми. Здесь мы имеем совсем другое использование этого мотива, более реалистическое и вместе с тем сентиментальное.

Весь этот эпизод с пастухами, завершающийся в главах 20—22, контрастирует с рыцарской поэзией сразу по двум линиям. С одной стороны, обычный мотив артуровских романов — встреча странствующего рыцаря с вилланом, который указывает ему путь, причем во всех случаях виллан изображен как существо добродушное, но уродливое, способное одним своим видом вызвать отвращение и страх. Здесь этот образ как бы расщепился: мы его встретим, с традиционным его обликом, в главе 24. Но сейчас его роль указателя пути перешла к пастухам, тоже вилланам, но обрисованным автором с глубокой симпатией. С другой стороны, одним из очень распространенных жанров куртуазной лирики является „пастурель“, изображающая следующую ситуацию: разочарованный или пресыщенный рыцарь покидает замок и едет в поле, где он встречает пастушку, за которой начинает ухаживать. Иногда он одерживает победу, после чего вскоре бросает доверчивую простушку, иногда же получает с ее стороны отпор. Бывает, что дело ограничивается лишь беседой, в которой, например, оба поверяют друг другу свои сердечные невзгоды. Но во всех этих случаях пастушка и пастухи — стилизованные „пейзаны“, на фоне которых лишь оттеняется изящество и культурное превосходство рыцаря. Здесь, напротив, пастухи изображены весьма реалистически, со всеми особен-

ностями их речи, а главное — как существа, морально вполне равноценные знатному рыцарю Окассену. Характерно, что и он, и Николет разговаривают с ними, как с равными.

24

Об уроде виллане см. примечание к главе 18. В обрисовке внешнего облика персонажа автор механически отдает дань традиции, но сразу же затем прибавляет черту, в корне меняющую всю направленность образа: он не только изображает с горячим сочувствием горе полураба-крестьянина, но и влагает в его уста суровое поучение барам, которые „с жиру бесятся“.

В конце главы выражения подлинника неясны, и можно предположить порчу текста. Повидимому, раненный Окассен, не в силах будучи подняться, пролез в беседку ползком.

25

Песня Окассена генетически не что иное, как любовное заклинание, в котором выветрившийся магический смысл переключился в сентиментальный. Звезда около луны — Венера, обладавшая, по астрологическим верованиям, способностью соединять влюбленных (примеры см. в комментариях к тексту Suchier). Стоило Окассену спеть песню, как Николет оказалась подле него. Такова древняя схема ситуации, здесь рационалистически переосмысленная так: Окассен,

глядя на звезду, думает — не там ли его милая, которую бог, быть может, перенес туда, чтобы она сиянием своей прелести еще усилила блеск светила? И в эту минуту Николет, давно уже находившаяся в беседке или бродившая около нее, появляется перед ним.

26

Любовь, заглушающая боль и искажающая все впечатления (зима кажется знойным летом, снег — лилиями и т. п.), — обычный мотив куртуазной лирики. В данной форме, однако, он лишен всякой вычурности.

28

Трудно сказать, является ли имя Torelore шуточным образованием для обозначения фантастической страны (по типу слов tirelire или turelure), или за ним скрывается какая-нибудь реальная местность. Пытались отождествить его с Turelure, — удержавшееся еще до XIX века старинное народное название порта Aiguemortes, расположенного приблизительно в 40 километрах к юго-западу от Бокера. Если так, то наши путники уплыли недалеко!

„*Что король лежит в родах*“.— В основе этого мотива лежит воспоминание о древнем обрядовом обычае, называемом „кувадой“ (франц. souvade) и состоящем в том, что муж роженицы ложится в постель и делает вид, что

испытывает муки деторождения. Обычай этот, явно связанный с матриархатом, встречается у различных племен Южной Америки, на Тихоокеанских островах, на западе Африки и т. п., но в древности он существовал, повидимому, и в Европе — в бассейне Средиземного моря и у кельтов. В настоящее время следы его сохранились в Европе лишь у басков, т. е. в районе, довольно близком к месту действия нашей повести.

30

Бой „печеными яблоками, яйцами и свежими сырами“ имеет некоторую бытовую основу. Во Франции был старинный обычай, существовавший еще в XVII веке, забрасывать плохих актеров не гнилыми (как это делалось позже), а печеными яблоками, которые продавались, как прохладительное, у входа в театр. В Нормандии, как указывает Suchier, существует поговорка: „Во времена короля Гильемò люди сражались печеными яблоками“. Пародирование нашим автором феодальных войн говорит само за себя.

34

„Окассен жил в замке Торлор, полный веселья и радости“. — Нужно предположить, что здесь текст испорчен или в нем что-то выпало, ибо непонятно как „веселье“ Окассена, так и то, что в дальнейшем король Торлора больше не упоминается. Повидимому, рассказывалось, что

в результате столкновения с королем Окассен свергнул его с престола и воцарился на его месте сам.

„Пока не приплыл к замку Бокер“ — см. примечание к главе 2.

„Жители страны прибежали на берег за добычей“.— Право жителей морского побережья собирать прибитые к берегу предметы с кораблей, разбитых бурей, было подтверждено королевским декретом 1191 года.

36

„А он приходился ей родным отцом“.—Здесь опять текст испорчен. В правильной редакции, несомненно, король и его сыновья не находились на корабле, и встреча их с Николет произошла лишь после прибытия ее в Карфаген.

Карфаген был хорошо известен в литературе того времени благодаря весьма популярному роману об Энее (около 1160 г., по „Энеиде“ Вергилия), содержащему эпизод любви Энея и карфагенской царицы Дидоны. Здесь, однако (или, по крайней мере, в источнике нашей повести), как доказывает одно место из главы 40 (Николет хотя выдать замуж за одного из королей Испании), имеется в виду не древний Карфаген, а город Картагена в южной части восточного побережья Испании, принадлежавший в эту эпоху маврам („язычникам“). Мы все же сохранили в переводе форму „Карфаген“, так как, при тождестве обоих названий,

почти несомненно, что слушатели и читатели повести, а может быть, и сам автор, толковали Cartage как древний Карфаген.

38

Мотив женщины, переодевшейся жонглером и отправившейся на поиски своего возлюбленного, причем, найдя его и не будучи сразу им узнанной, она поет ему свою собственную историю, не раз встречается в средневековой поэзии. Самую близкую параллель к данному эпизоду мы находим в поэме „Bueve d'Hantone“ (начало XIII века), где героиня, подобно Николет, сначала красит лицо, а потом очищает его разными травами.

40

Чистотел (*chelidonium majus*) употребляется в народной медицине многих народов, в том числе и у русских, для заживления ран, порезов и удаления бородавок.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Смирнов.</i> Окассен и Николет, старо- французская песня-сказка	7
Окассен и Николет	19
Комментарии	23

Редактор Р. О. Шор
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническое наблюдение
А. А. Реформатский
Техред В. Д. Быренков

*

Сдано в набор 7-XII-34 г.
Подп. в печать 13-1-35.
Тираж 5300. Уп. Главлига
Б—7494. Зак. тип. 8577.
«Ас» 114. Инд. А—1. Бумага
62×94—¹/₁₆. Печ. л. 4¹/₂.
Автор. л. 2,6. Тип. зн. на
1 бум. л. 60.000.

*

Отпечатано на ф-ке книги
«Красн. пролетарий», Москва,
Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 2 00

Переплет Р. 1.00

Цена 3 руб.

